

УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ - 900 РАЗ

Неюбилейное — к юбилею Федора Чеханкова

Вера Максимова

БАЛЕТОМАН и близкий друг Васильева и Максимовой, посетитель изысканных концертов и московских театральных премьер, ведущий некогда популярных передач «Артлото» и «Вас приглашает оперетта...», танцор, бард, конференсье, светский человек и — драматический артист, всю жизнь прослуживший в единственном театре — ЦТКА, ЦТСА, теперь — ТА, Театре Армии. В разногласии юбилейных статей, в обилии определенных — «каскадный простак», «музикхолльный», «синтетический», «характерный», «актер-неврастеник» и т.д. — непросто решить, какой он на самом деле — артист драматической сцены Федор Чеханков.

Чеханков, чьи смокинги, фуляры, фраки — от белоснежных до цвета змеиной чешуи — вызывают постоянную зависть московских модников, со своим провинциальным прошлым расставаться не хочет. Бережет в памяти, повторяет, смакуя, слова «русская провинция». Не там ли источник его жизнестойкости? И — светлая тень его мамы. «Самая любимая актриса города, игравшая только главные роли, она не получила никакого звания. Она меня уговаривала: «Феденька, вступи в партию! Вот я не вступила, и мне ничего не дали...» Как ей хотелось видеть меня «увенчанным «и знаменитым... Может быть, начальники думали, что она еврейка — Валентина Авраамовна Чеханкова?.. Но евреем был мой отец — полковник, погибший в первый месяц войны».

Он запомнил июньский день 1957 года, смертное волнение на экзамене и то, как, отвернувшись от комиссии, глядя за окно во двор Щепкинского училища, читал «Песню о Буревестнике». Он не понравился Цареву, но по настоянию Пашенной был принят на курс условно. После первой экзаменационной сессии он стал полноправным студентом курса. Деликатная и добрая преподавательница истории театра, не сердясь, а жалостно, почти нежно просила болтуна и озорника: «Федя, выйдите из аудитории, пожалуйста...» Он с готовностью покинул класс, перебежал внутренний двор и устремился на второй этаж уже знакомого подъезда. Там вкрадчиво звучал роля. А на стекле огромного лестничного окна тонким резцом в полный рост была запечатлена фигура Галины Улановой с поднятой в арабеске ногой. Искони Училище Императорского Малого театра и Хореографическое училище Императорского Большого помещалось в одном здании. Ген движения в нем пробуждался, начинался «танцующий актер» Федор Чеханков.

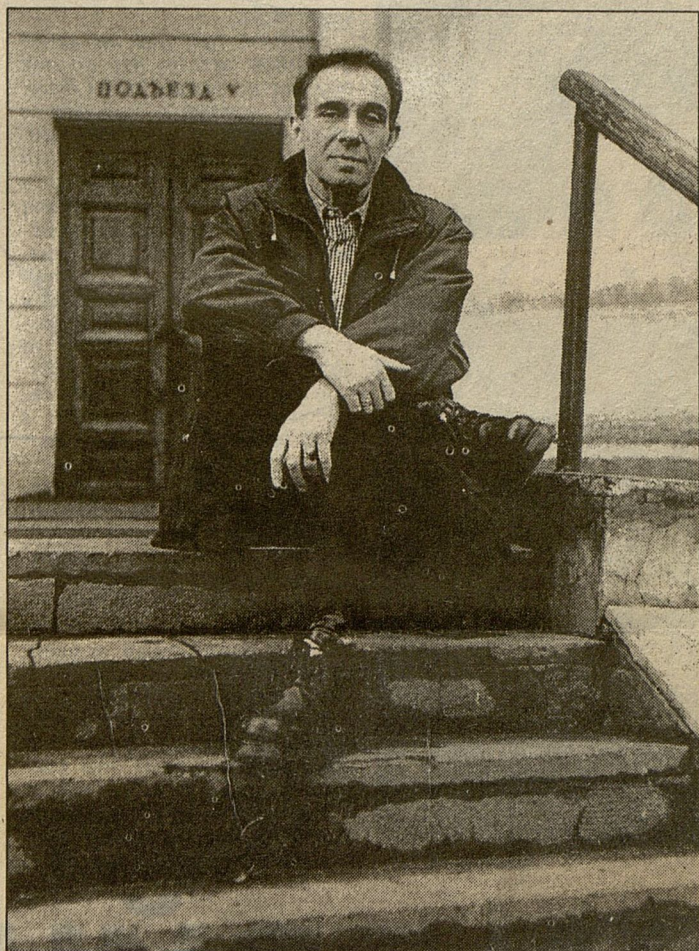
Время в конце 50-х сдвинулось с точки и начало меняться. Смутные для провинциала Чеханкова, рождались новые вензеля. Уже существовал, звенел, обсуждался на разные лады ефремовский «Современник».

После спектакля «Два цвета» — о погибшем юноше-бригадирше — «Современник» щепкинцу Чеханкову не понравился. «Актёры это или не актёры? Где интонация? Где голос? Почему нет яркости? И нет аплодисментов на выходы и уходы, как у «наших» в Малом театре?»

А «нашими» в те годы были великая Пашенная — Васса Железнова и Старшая хозяйка Нискавуори в «Каменном гнезде», Межинский, игравший последнюю в жизни роль — милорда Стайна в «Ярмарке тщеславия». Были Царев и Жаров. Была Елена Митрофановна Шатрова, Никита Подгорный и ослепительные кино-красавицы Нифонтова и Быстрицкая. Играв в массовке «Порт-Артура» новобранца-солдатика, Чеханков безмерно восхищался талантом Виталия Дороница. Он вдоволь насмотрелся тогда на всех них, прославленных и великих. И многое понял. Например, как жестока, сложна и великодушна жизнь актера.

В Театр Армии Чеханков попал почти случайно. Ему больше хотелось к Ровенским, в Театр имени А.С. Пушкина на Тверском бульваре, где много двигались, танцевали, пели. Но в ЦТСА показывался его курс. Как он не затерялся, не пропал в этом здании — городе на площади Коммуны, неправдоподобно огромном, где лестницы не кончались и вели неизвестно куда; где никто не знал, сколько лифтов имеется внутри, и как, не заблудившись и не выскочив нечаянно на улицу, попасть с малой сцены на большую? Быть может, спасло «провинциальное сознание»? Во второй раз после Малого он оказался в коллективе уникальных мастеров. Старший друг Чеханкова, сверхтребовательная Марья Владимировна Миронова утверждала, что в 60-е годы, возвращенная великим Алексеем Поповым, в ЦТСА работала лучшей московская труппа. Из-за них, «которые очень долго не давали, цинично и шкурнически «раскурочивать» театр...», он понял, что «если человек будет 24 часа в сутки занят профессией, то обязательно все у него получится, все соистойтся...»

Добржанская, Хованский, Хо-

Федор Чеханков.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

дурский никогда не вступали в партию, хоть и занимали в театре первое положение. Не были членами КПСС Касаткина и Сазонова. И Федор Чеханков, несмотря на уговоры, «соблазны», мамины опасения, не вступил.

Ежевечерне занятый в массовках, он научился быть всегда готовым. С первыми ролями — мальчиков, солдат, солдатиков из сказки и позже — взрослым ездил «обслуживать войска» в ближнее и дальнее зарубежье, как сказали бы сегодня; в страны «демократического лагеря», как говорили тогда. Он полюбил долгие гастроли. Аккуратно вырезал из газет положительные рецензии и отсылал их маме. Получил восьмиметровую комнату на улице Шувалева, в коммуналке — пеппере без горячей воды и ванны, где не нужно было заводить будильник, потому что пять соседок-старух в десять часов утра начинали на кухне грандиозный скандал. На эту восьмиметровку пришлились лучшие его молодые годы.

Музыкальную комедию — сказку «Солдат и Ева» он сыграл с молодой Ларисой Голубкиной, прославившейся после «Гусарской баллады». Пел, танцевал, прыгал в дуэте с нею. Шумная известность пришла и к нему. Телефонный аппарат в коммуналке надрылся.

Когда Федор Чеханков пришел в 6-й репетиционный зал тренироваться, это были уже другие танцы и прыжки. Много лет подряд по утрам там занимался Владимир Михайлович Зельдин — легендарный «Учитель танцев» — Альдемаро. Увидев новичка, услышав просьбу показать движения, воспитанный и церемонный Зельдин даже не удивился. Сыграть Альдемаро мечтали все мужчины театра. И Чеханков мечтал. В первый свой сезон он самостоятельно приготовил картину с танцами; показался художеству, но — впечатления не произвел. Шесть лет прошло, прежде чем в 1968 году не в Москве — на гастролях в Улан-Удэ он вышел на сцену в роли Альдемаро. Назначенный лишь в третьем составе, удержался, добился желанного — один, тренируясь иногда по восемь часов. Возделенная роль досталась «не герою» — Чеханкову, которому приходилось подкладывать в сапоги под пятки «косочки»; ужасаться лишнему грамму веса, до сантиметра просчитывать, как высоко по талии можно поднять широкий шелковый пояс Альдемаро... «Учителя танцев» он получил из рук и по желанию Зельдина, которому было 53 года, который устал и даже пригрозил начальству, что совсем бросит свою коронную роль, если Чеханкову играть не дадут. Но ведь и Чеханков, фамилию которого на программках в Улан-Удэ приписали карандашом, с ошибками — от Чехундо до Чухарькова, был совершенно, абсолютно готов. С годами он все прочнее входил в роль. Его танцы были и сложнее, «хореографичнее», чем у Зельдина. Он ввел труднейшие повороты, кручения. Никогда не носивший наколенников, со всего маху грохался перед возлюбленной Флореллой, бежал на коленях вслед за ней. Однажды он закатал брючину, и партнеры с ужасом увидели его ноги — в кровавых бляшках, ссадинах и синяках.

1000 спектаклей «Учителя» сыграл Зельдин. Около 900 — Чеханков. Была особая прочность в этой любимой и судьбоносной для него роли, если он играл ее в течение 18 лет. Впрочем, большинство ролей Чеханков играл долго. «Солдата и Еву» — 16 лет, «Раскинулось море широко» — 13; «Идиота» — 12; «Ужасные родители» — 10... Внешне он почти

не менялся, словно не желая взрослеть. Он очень любил одну из ранних своих ролей — Артема Грибкова в «Шоссе на Большую Медведицу». Плохонькую пьесу Юлиана Семенова ставил любимый ученик Марии Кнебель — дипломник ГИТИСа Леонид Хейфец, большая слава которого после «Смерти Иоанна Грозного» в ЦТСА была впереди.

«Хейфец привел замечательного художника Олега Целкова, нынешнего «парижанина», с первой репетиции всех нас переписал и заал, даже двадцатилетних, не иначе, как по имени-отчеству — Федор Яковлевич, Алина Станиславовна (Покровская), Александр Яковлевич (Кутепов), Александр Александрович (Белогоусов)».

Чеханков сыграл Грибкова строителя, романтика, странника из «песен Визбора», максималиста-интеллектуала так, как тогда играли прекрасных и «сложных», нетерпимых ко лжи, русских мальчиков военного и послевоенного времени Табаков, Кваша, Бортников... На короткое время он по праву встал в их ряд. Но — не продлилось. У «военного» театра были свои задачи.

Инвалида войны Сиднея Бредли в «Боже, храни короля!» Сомерсета Моэма он играл не только «ясновидцем», «вещуном», человеком «сохраненного достоинства», но и «слепым пророком» — подлинно слепым в каждом жесте, движении. Пышность парадного дворцового портрета была в его Генрихе VII («Человек на все времена» Болта). С годами Чеханков становился нервнее, печальнее на сцене. Репертуар усложнялся. Появилось много западных ролей. Возник интерес к человеческой рефлексии. Так сыграл он Мориса в «Контракте на убийство» Мрожека — лакея с претензиями тирана, с патологической жадой власти над другими людьми. Многие из «сложных» западных пьес, «Ужасных родителей» Кокто, например, он принес в театр сам и с наслаждением играл «сына семьи» — Мишеля.

Работающий в театре, к которому критика традиционно невнимательна, он далеко не всегда получал «по заслугам». Так, недооцененным оказался его Ганя Иволгин в «Идиоте». «Я плохих людей играть не могу», — признается Чеханков. В «не герое» Достоевского он и не играл «плохо». Играл «человеческую раздвоенность обстоятельствами. Благодарство, стесненное и захваченное окружающим хамством» (Лев Аннинский).

С режиссерами ему скорее не везло. И потому, когда из кино в Театр Армии пришел на постановку «Леса» Владимир Мотыль, после первых же репетиций Чеханков, неожиданно получивший роль Буланова, сказал себе: «Федя, цыц! Сиди и слушай!» Тридцативосьмилетний, он не мог и не хотел играть недоросля-юнца. Он играл созревшего для взрослой мужской жизни «переростка», неуча и нищего, приживала, «практический ум которого готов для подлости».

Федору Чеханкову — 60. Многого прошло мимо него. Жизнестойкий, даже цепкий, после ухода Олега Борисова он так и не решился попросить для себя роль Павла I. Не сыгранная, она и сейчас живет в нем болото.

Он никого не хочет учить, никому — навязывать долгий и непростой свой опыт. Вот разве что любить театр, даже когда театр неласков к тебе. Не терять мужества. Не становиться циником, к чему впрямую толкает нынешнее время российское. И помнить, что за будничной, часто жестокой видимостью театра, есть его великая сущность.